

## 2.2.2. Отклики в стране и за рубежом

---

<sup>3</sup> В архивном листе использования этого дела имеются отметки, что 20 марта 1989 г. его смотрел В. Кочетов «для комментариев к публикации», что 17 сентября 1994 г. оно находилось на просмотре у руководителя Архивной службы Р.Г. Пихоя, после чего 18 января 1995 г. его рассекретили.

<sup>4</sup> Есть сведения, что сотрудники аппарата ЦК КПСС приносили магнитофоны и магнитофонную запись доклада о культе личности руководителям некоторых братских партий, знавшим русский язык. А среди них были работавшие ранее в Коминтерне Б. Берут, Д. Ибарурри, И. Коплениг, М. Ракоши, П. Тольятти, В. Ульбрихт. Часто бывал в СССР, а во время войны и жил здесь М. Торез (см.: Аксютин Ю. В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С 205).

Хрущев самым своим великим деянием, сравнимым разве что с подвигом, считал арест Берии. Но в истории он остался прежде всего как «разгребатель грязи», как разоблачитель сталинских преступлений. Его доклад «О культе личности и его последствиях» после съезда оглашался перед 7 миллионами коммунистов и 18 миллионами комсомольцев. И хотя обсуждать его не полагалось, жарких дискуссий избежать не удалось. Чаще всего они разворачивались в личном общении, но иногда возникали и на собраниях, а в Тбилиси вылились 5-7 марта в организованные шествия студентов с возложением венков к монументу Сталина. На четвертый день 8-10-тысячная толпа осадила здание ЦК КП Грузии и потребовала вывесить в городе флаги и портреты Сталина, а в газетах опубликовать материалы о его жизни и деятельности. Перепутанные республиканские власти предпочли выполнить эти требования. 9 марта на 80-тысячном митинге в центре города ораторы требовали пересмотреть решения партийного съезда, а один из них – Р.Б. Кипиани – призывал реабилитировать Берию и сместить Хрущева. Раздавались и требования о выходе Грузии из СССР. Но попытки огласить по радио принятую на митинге декларацию привели к столкновению с охраной Дома связи, во время которого было убито 7 и ранено 15 человек (еще 2 человека погибли позже при разгоне митинга солдатами мотопехоты и конвойных войск). В город вошли танки. КГБ арестовал 38 человек, из них 20 были приговорены к различным срокам лишения свободы, но не по антисоветским статьям, а за «хулиганство», «участие в массовых беспорядках» и «разжигание межнациональной розни», выразившееся в криках: «Русские собаки убивают наших братьев!». Максимальный срок – 10 лет – получил Кипиани{708}. По другим данным, во время разгона манифестантов и ликвидации беспорядков было убито около 20 человек, а более 60 получили ранения. В ночь на 10 марта КГБ задержал 381 человека, большинство из которых оказались студентами и школьниками. К уголовной ответственности привлекли 39 человек – выступавших на митингах, а также инициаторов и участников составления требований к правительству{709}.

Некоторое время спустя на имя первого секретаря ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе поступило анонимное письмо, в котором утверждалось, что пролитая 9 марта кровь разделила Грузию и Россию, и предлагалось созвать (с тайной подготовкой) республиканский Верховный Совет и, воспользовавшись конституционным правом на самоопределение вплоть до отделения, принять декларацию о выходе Грузии из СССР и об установлении с ним таких же дружественных связей, какие имеют Польша, Чехословакия, Венгрия{710}.

Прямо противоположные сигналы шли из Ленинграда. Научный сотрудник Института русского языка АН СССР, член партии с 1920 г. И.А. Алексеев 9 марта написал Хрущеву письмо, в котором предложил: «Во всех партийных организациях поставить вопрос специально о Сталине в таком аспекте, является ли он государственным преступником». По его мнению, «большинство партии, по крайней мере, здоровая ее часть, все честные, не переродившиеся члены партии выступают и скажут: «Да, он является преступником против человечества, идейным вдохновителем убийств, совершенных бандой Берии и его предшественниками по кровавому террору»». Спустя несколько дней Алексеев выступил на собрании партийного актива Василеостровского района и сказал: «Товарищ Хрущев своим докладом сделал такой поворот в нашей партийной жизни, который должна поддержать партия... Испанская инквизиция меркнет перед тем, что было у нас... Что может сравниться с чудовищной феодальной эксплуатацией, которая имела место во время господства Сталина, когда его слова расходились с делом? Колхозы на грани нищеты...» Во время обсуждения резолюции Алексеев внес предложение «посмертно судить Сталина судом партии». Но его поддержали только 4 из 750 присутствовавших{711}.

На Владимирском областном партийном активе 13 марта председатель колхоза «Путь Ленина» (Кержачский район) Сыромятников предложил записать в резолюции, что ЦК правильно решил вопрос об осуждении культа личности, но сделал это поздно. По его мнению, необходимо также просить ЦК принять меры для того, чтобы в дальнейшем была исключена сама возможность возникновения культа личности. Однако его никто не поддержал. И, мало того, отдельные ораторы высказали соображение, что «не следовало бы выносить вопрос о культе личности на такое широкое обсуждение, а принимать постепенные и осторожные меры

по преодолению последствий культа личности»{712}. Более смело ставились вопросы в записках, присланных в президиум собрания: «Почему же не могли противостоять этому произволу т. т. Хрущев, Молотов, Ворошилов и другие члены партии? Почему же они положили Сталина рядом с Лениным?.. Как понимать, что товарищ Хрущев предложил съезду почтить память Сталина? Какие меры приняты ЦК для предотвращения использования партии в целях самовозвеличивания со стороны отдельных авантюристов и перерожденцев, как это было со Сталиным? Будут ли какие указания по вопросу портретов И.В. Сталина?»{713}.

Записки сходного содержания подавались и на Свердловском областном партийном активе 12 марта: «Какую память мы должны хранить о И.В. Сталине? Как быть с наглядной агитацией (панно, портреты, бюсты, плакаты и т. д.), посвященной Сталину? Будет ли правильно, если портреты Сталина скромно убрать и заменить другими?»{714}.

Кое-где поспешили эту самую наглядную агитацию поменять, не дожидаясь указаний из центра. Так, первый секретарь Якутского обкома КПСС С. З. Борисов, докладывая республиканскому активу о съезде, объявил, что «вместо знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина теперь будет знамя ленинизма», и указав на установленное в глубине сцены изображение знамени с барельефами всех этих четырех вождей мирового пролетариата, сказал: «Такое оформление ошибочно допустили некоторые работники обкома». И уже в первый перерыв это оформление сцены было заменено портретом одного Ленина. Но об этом стало известно в Москве, и Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР «поправил т. Борисова»{715}.

Нельзя сказать, что весь партийный актив с энтузиазмом встретил доклад о культе личности. Председатель колхоза им. Сталина (Балаклейский р-н, Сталинградская обл.) Задаев делился своими сомнениями: «Какой-то тяжелый отпечаток ложится на душу. Мне приходилось в дни смерти Сталина проводить митинги в колхозах, и я видел, как колхозники со слезами на глазах переживали эту тяжелую утрату. И вот сейчас пойдем к колхозникам и будем обратное говорить. Не знаю, как у кого, но хватит ли силы до сознания колхозников довести это? Это тяжелый вопрос»{716}.

На Агрызском районном партийном активе в Татарии коммунист Назаров заявил: «Мы не можем выбросить Сталина из истории, ибо Сталин имеет определенные заслуги в прошлом и он прочно вошел в сознание советского народа». С ним не согласились Алексеев и Токмянин: «В историю можно войти по-разному, – возражали они. – Сталин допустил ничем неоправданное уничтожение кадров партии, и это ему нельзя простить»{717}.

Еще большая разногласия во мнениях проявилась в низовых партийных организациях.

На вопрос своим респондентам «Слышали ли вы текст этого доклада лично на партийном или комсомольском собрании?», задаваемый студентами МПУ, 33% опрошенных в 1996 г., 18% опрошенных в 1997 г., 25% опрошенных в 1998 г. и 33% опрошенных в 1999 г. ответили, что да, слышали.

Кое-где из доклада не делали тайны ни для кого и на его заслушивание приглашали всех. Так, партийное собрание в СУ-19 Мосстроя было открытым, на него пригласили не только комсомольцев, но и беспартийных. В совхозе «Красный забойщик» (Днепропетровская область) доклад зачитывали и на профсоюзном собрании, то есть всем{718}. Читали (но не обсуждали) на собрании всего летного состава (включая беспартийных) Аэрофлота в Иркутске{719}.

Но отнюдь не везде доклад оглашали полностью. В Московском энергетическом институте, свидетельствовал один из преподавателей, зачитывали этот доклад в сокращенном виде. Изложение доклада слышали офицеры военного гарнизона Кубинка-1 И.Ф. Пыков и Г.М. Козлов{720}. В выдержках сообщался доклад на партсобрании в военном гарнизоне Ермолино (Калужская область){721}.

Не слышали доклада, но узнавали о его содержании от других 33% опрошенных в 1996, 15% опрошенных в 1997 г., 32,5% опрошенных в 1998 г. и 33% опрошенных в 1999 г.

Не оглашался текст доклада перед студентами геологоразведочного техникума в Старом Осколе (правда, один из его преподавателей, Либерман, довольно подробно излагал его содержание на своих занятиях) и в некоторых школьных комсомольских организациях, напри-мер, в Звенигороде (а то, что слышал тогда вокруг один десятиклассник, «говорилось с какой-то неуверенностью и опаской»), в поселке Ромашково Одинцовского района и даже в

Москве.

Но знала о содержании доклада из последующих обсуждений на собраниях и во время политучебки рабочая Занарской прядильно-ткацкой фабрики в Серпухове Н.С. Шайдурова. Продавщице из деревни Щучье Веневского района Тульской области В.С. Одиноким рассказывал о докладе ее муж, слышавший его на партсобрании. От мужа-писателя услышала о докладе московская домохозяйка В.П. Строковская {722}.

По радио, наверно зарубежному, слышали текст доклада московская школьница М.А. Харитоновна, художник-оформитель в одном из московских НИИ М.Г. Данилов, шофер автобазы Центросоюза Н.В. Рыков, живший в селе Покровское рабочий Подольского п/я 1 А.Д. Арвачев, рабочая Волоколамской типографии В.И. Матисова. О передаче текста доклада по радио рассказывали еще 6 респондентов {723}.

Как же реагировала публика на услышанное? «Сталин серьезно подправлял тов. Хрущева по вопросу о создании звеньев и агрогородов. Не является ли это своего рода мстостью?» – интересовались в Вологодской области {724}. Командир танковой роты 23-й гвардейской механизированной дивизии (Московский военный округ) П.С. Деркач говорил другим офицерам: «Зачем все это опубликовали? Подшили бы все это в архив, чтобы не ворошить души народные и не опустошать их». Инженер-полковник Проектно-технического управления войск связи Советской армии С.И. Коновальчик заявлял: «После этого доклада не знаешь, кому верить... Теперь нет уверенности, что и другие руководители не наделают чего-либо подобного. Нет ли здесь ошибок в отражении деятельности Сталина?» Подобных сомнений не испытывал полковник в отставке Чурсин. Возмущаясь докладом, он говорил: «Где же был сам Хрущев, почему он тогда молчал, а сейчас, когда Сталин умер, начал на него лить всю грязь? Я что-то не особенно верю всем фактам, которые изложены в закрытом письме... Сталин воспитал меня с детского возраста на своих идеях, и я от этих его идей не откажусь и сейчас. Я был и буду о Сталине самых хороших мнений». Иначе думал обо всем этом начальник штаба 75-го отдельного учебного батальона майор Таратин: «Действия Сталина в отношении членов партии не вместились ни в какие рамки, и ему нет места на нашей земле, его нужно куда-нибудь увезти и выбросить за пределами СССР». А старший инженер-лейтенант 9-й истребительной авиационной дивизии Игорь Чкалов, сын знаменитого «сталинского сокола» Валерия Чкалова, говорил майору Алексееву: «Хорошо, что я не вступил ранее в члены партии, так как сейчас не поймешь, кому верить: или товарищу Сталину, или линии товарищей Хрущева и Булганина». И пояснил: «Еще неизвестно, во что такая политика Хрущева и Булганина выльется, как на нее посмотрят рядовые члены партии. Найдутся и такие, которые положат свои партбилеты на стол ввиду несогласия с этой линией» {725}.

Таковых, насколько нам известно, не нашлось. Срабатывало не только подсознательное чувство страха, но и чувство, которое одна из современниц, рассказывая позже о себе, назвала «жаждой стадности, стремлением раствориться в толпе, быть как все, быть приговоренной к большинству, чтобы не выгнали в меньшинство». Кстати, вступая в том, 1956 г. в партию, она так отвечала во Фрунзенском райкоме КПСС г. Москвы на вопрос, зачем это делает: «Хочу знать все, что знают партийные, бывать на собраниях, отдавать себя в распоряжение чьей-либо железной дисциплины» {726}.

И все же то в одной организации, то в другой появлялись «отдельные гнилые», как их определяла 5 апреля 1956 г. в редакционной статье газета «Правда», «элементы, которые под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии» {727}. Случаев таких было не так уж много. Но они были. Особенно в кругах научной интеллигенции. Ученые с их склонностью к анализу позволяли себе усомниться не только в фигуре Сталина, но и в некоторых погрешностях самой советской системы. Член ЦК КПСС, историк и академик А.М. Панкратова, докладывая о результатах своей поездки в Ленинград, где она выступала с докладами и лекциями о XX съезде, приводила некоторые из полученных ею 825 записок: «Разве приписывание всех ошибок тов. Сталину не есть культ личности?.. Не является ли данью культу личности мнение, что один Сталин мог сломить волю большинства партии (или навязать партии неправильное решение отдельных вопросов)?.. Было ли правильным сплочение ЦК вокруг одного лица на любом историческом этапе?.. Были ли в русской жизни социально-экономические и социально-психологические предпосылки

фантастического расцвета культа личности?.. В чем материальная основа культа личности? Может быть, в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования?.. Почему не дается объяснение его (Сталина. – Ю. А.) поведения, как отражения интересов определенного социального слоя, выросшего, скажем, на почве советского бюрократизма? Чем было наше государство в продолжение почти 30 лет: демократической республикой или тоталитарным государством?.. Не способствует ли культу личности однопартийность и почти полное слияние органов власти и партийных органов?»{728}.

Нетрудно увидеть, что эти вопросы шли гораздо дальше того объяснения причин культа личности, которое содержалось в докладе Хрущева. Они свидетельствовали о неудовлетворенности этими объяснениями. А там, где, вопреки установкам ЦК, безмолвное выслушивание заменялось вдруг обсуждением, находились люди, пытавшиеся изложить свое собственное видение проблемы. Наиболее ярко это проявилось на партийном собрании в Теплотехнической лаборатории Академии наук СССР в Дубне 23 и 26 марта 1956 г. Высказав предположение, что доклад о культе «с умом» не обсуждался на съезде, техник Г.И. Шедрин сказал: «Мы и сейчас повторяем культ личности, возвеличивая Хрущева». Касаясь же утверждений о «силе партии и власти народа», он категорично заявил: «Ее не было и нет. Мы со Сталиным пошли бы и к фашизму». О том же говорил младший научный сотрудник Р.Г. Авалов: «Народ бессилён, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру». Но дальше всех в своих рассуждениях пошел младший научный сотрудник Ю.Ф. Орлов. Отталкиваясь от мысли, что «наша страна социалистическая, но не демократическая», он утверждал: «У нас такое положение, когда собственность принадлежит народу, а власть – какой-то кучке прохвостов... Наша партия пронизана духом рабства... В лице госбезопасности мы вырастили ребенка, который бьет нас по морде». Попытки президиума переломить ход дискуссии особого успеха не имели. А предложение осудить эти выступления как политически ошибочные и содержащие клевету на партию собрали всего на два голоса больше, чем другое, по сути их поддержавшее{729}.

Высшее партийное руководство, получив известие об этом собрании, расценило его как покушение на свое монопольное право изречь истину и соответственно реагировало. Уже 3 апреля оно приняло специальное решение, в котором рекомендовало рассмотреть вопрос о партийной принадлежности Орлова и его товарищей, а дальнейшее обсуждение итогов съезда в партийных организациях вести так, чтобы не допускать подобных враждебных вылазок. Но то тут, то там ситуация временами выходила из-под контроля.

Начало оправдываться предупреждение Г. Лебона о том, что боги, герои и догматы «внушаются, но не оспариваются», а уж если дело дошло до того, что их подвергают обсуждению, «они исчезают»{730}.

В Институте востоковедения АН СССР научный сотрудник Мордвинов, член партии с 1918 г. и бывший чекист, посетовав на то, что в докладе «слишком много эмоций и личных выводов», заявил: «Члены Политбюро несут ответственность за положение, которое сложилось в партии... Они отвечают за расстрелы». При этом Микояна и Молотова он упрекнул в неискренности, а Хрущева обвинил в трусости. Критиковал последнего и аспирант Шаститко: «Мне не нравится поведение товарища Хрущева в некоторых случаях. Когда кто-нибудь выступает, товарищ Хрущев часто перебивает его репликами и сбивает». Но особенно досталось от него так называемым «представительным» органам власти: «Выборы в наши советы – это фарс, советы никакой роли не играют и не являются народной организацией, многие депутаты в них вовсе не работают. Верховный Совет ничем существенным не занимается, там нет никаких запросов». Когда же секретарь институтского партбюро Иванова предложила осудить оба эти выступления «как политически вредные», собрание с ней не согласилось. Примечательно и то, что присутствовавший здесь же первый секретарь Куйбышевского райкома КПСС В.И. Огурцов не счел необходимым поддержать это предложение и вообще отмолчался. Когда же вопрос о Мордвинове и Шаститко вынесли на партбюро, за исключение из партии первого из них проголосовало всего 2 из 9, а второго – всего лишь один. Пришлось ограничиться объявлением им выговоров. В связи с этим В. Чураев

и заведующий другим отделом ЦК (административных органов) Г. Дроздов, сообщая об этом собрании своему руководству, посчитали «необходимым поручить Московскому горкому КПСС провести собрание в этой парторганизации, развенчать антипартийные вылазки Мордвинова и Шаститко, решить вопрос об их партийности и укрепить партбюро»{731}.

Персональные дела коммунистов, «неправильно понявших линию партии в вопросе о культе личности», стали рассматриваться и в других партийных организациях. Посыпались выговоры и исключения из партии, сопровождавшиеся увольнением с работы. На целых четыре года отложили выборы в члены-корреспонденты Академии наук СССР профессора философии Б.М. Кедрова, члена партии с 1918 г. и сына видного советского деятеля, репрессированного в 1941 г. А провинился он в том, что назвал секретный доклад Хрущева чуть ли не поверхностным и возмущался тем, что Хрущев изобразил культ личности как личную трагедию Сталина: «Какая уж там трагедия?! Вот трагедия партии и народа – это да!»{732}. Распустили партийную организацию в Теплотехнической лаборатории АН СССР{733}. Признан был душевнобольным и помещен в специальную психиатрическую клинику ленинградский геофизик, лауреат Сталинской премии Н.Н. Семенов, написавший в ЦК письмо с требованием более последовательно разоблачать сталинские преступления{734}.

В той же записке Чураева от 16 апреля 1956 г. отмечались «факты, когда отдельные партийные организации проявляют политическую беспечность, которую используют враждебные элементы». А в качестве примера приводился случай, имевший место в Верховском лесозаготовительном пункте Плесецкого района Архангельской области, где 25-летний моторист электростанции Б. Генералов, имевший незаконченное высшее образование, и комсомолец, «встал на путь антисоветских действий». Это выразилось в том, что он вел «устную враждебную пропаганду среди рабочих», а также распространял среди них листовки, отпечатанные им на пишущей машинке. Листовки эти содержали «клеветнические выпады против Советского правительства, призывы к упразднению Коммунистической партии Советского Союза и преданию суду ее Центрального комитета». При аресте его органами госбезопасности у него были обнаружены три таких листовки, пишущая машинка и письмо, которое, по его собственному признанию, в случае получения одобрения от рабочих он собирался послать Хрущеву: «Никита Сергеевич! Мы, рабочие Верховского лесопункта, благодарны Вам за то, что Вы нашли в себе смелость сказать всему народу правду и сообщить факты, которые дают основание не доверять Вам и правительству. Мы свято чтим Ленина... и считаем, что в создавшейся обстановке нам нужно поступать, как учил Ленин: вся власть советам, т. е. местным советам депутатов трудящихся... Если Ваше заявление и доброжелательство к Ленину не лицемерны, то Вы пришлете нам свои правительственные гарантии, что наших делегатов и агитаторов не тронут работники милиции и госбезопасности. В противном случае могут возникнуть инциденты, а, может быть, и ненужные кровопролития, за что ответственность будете нести Вы»{735}.

Поступали в ЦК КПСС сведения и противоположного свойства. Например, 11 апреля в Вологде, в помещении главного универсального магазина была обнаружена рукописная листовка следующего содержания: «Болтовня, Сталин – с нами. ВЛКСМ»{736}.

Распространились слухи, будто на том же самом закрытом заседании съезда, на котором Хрущев делал доклад о культе личности, слово для справки взял Молотов, сказавший якобы: «Несмотря на полученную съездом информацию, я продолжаю считать Сталина гениальным продолжателем дела Ленина»{737}. Имя Молотова становится снова популярным в определенных кругах. Его требовали назначить главой правительства некоторые участники уже упоминавшейся демонстрации в Тбилиси{738}.

Вспоминая смятения зимы 1956 г. и отдельные споры на вечеринках, порой перераставшие в рукопашные сражения, критик и прозаик В. Кардин замечал: «Инерция “культового мышления” владела нами, и было проблематично – останемся мы во власти этого мышления или начнем обретать новое. Задача решалась не голосованием, не постановлением общего собрания. Но каждым самостоятельно. Наедине с собою»{739}. Другими словами об этом же сказал писатель Вениамин Каверин: «Уж можно ходить на двух ногах, а многие еще ползают на четвереньках»{740}. А как много было этих «многих»? Осужденный в 1948 г. за организацию Московской группы «Демократической партии» и освобожденный сразу же после

XX съезда КПСС А.И. Тарасов проездом на Кавказ остановился у своих родителей в столице. «В Москве, – вспоминал он позже, – меня больше всего поразила ностальгическая любовь народа к Сталину. Люди вспоминали его грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывая даже восторг по поводу смертельной давки в толпе. “И сотни душ растоптанных сограждан траурный составили венок”, – умилился какой-то поэт. С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас божий, и понятней стало, что каждый народ достоин своего правительства»{741}.

О том, насколько трудно происходил этот сдвиг в общественном сознании, свидетельствуют и результаты опросов, проводимых студентами МНУ.

На вопрос «Как вы отнеслись к прозвучавшим обвинениям в адрес Сталина?» 35 из 93 опрошенных в 1996 г., 24 из 100, опрошенных в 1997 г., 34% опрошенных в 1998 г. и 33,5% из 400 опрошенных в 1999 г. человек ответили, что поверили и одобрили.

Из них полностью, безоговорочно поверили и одобрили 24% опрошенных в 1996 г., 12% опрошенных в 1997 г., 15,5% опрошенных в 1998 г. и 14% опрошенных в 1999 г.

Всегда считали преступником Сталина родители О.А. Лаптевой, студентки филологического факультета МГУ, в полной мере понимавшие происходящее. Восторг и ликование были во всем ее окружении: «Неужели это свершилось?»{742}. Студент того же факультета Ф.Б. Шапиро за полгода до этого получил справку о посмертной реабилитации отца и чуть ли не плакал, слушая чтение доклада на комсомольском собрании{743}. Его мать Л.М. Шнидман, медработник санэпидемстанции Фрунзенского района Москвы, до этого разделяла распространенную точку зрения, что вождь не знал о массовых репрессиях, а теперь у нее открылись глаза, и к радости, что оказалась права, не отрекшись от мужа (за что ее в 1937 г. исключили из партии), добавился ужас, что, оказывается, были и пытки и что Сталин все знал{744}. Уже много знал директор НИИ экономики и информации Минтяжмаша В.Б. Яковлев{745}. Знала, как пропадали родители ее школьных подруг в 1937 г. и как выселялись в начале 30-х из Москвы родители ее мужа, К.Е. Горбунова, преподавательница Центральной комсомольской школы в Вишняках{746}. «Мой отец был репрессирован», – сообщал инженер ЦАГИ в Жуковском Е.Н. Дубинин. Репрессирован был в 1937 г. и умер в лагере отец Л.Г. Красули из городка Купино в Новосибирской области. «Пострадала от режима» семья Н.В. Овсянниковой, продавщицы из Фирсановки. Рад был услышать обвинения в адрес Сталина и инженер из Фрязино В.С. Сологуб, также сын репрессированного. Были репрессированы и родственники Г.Н. Щербаковой, студентки Серпуховского педагогического училища. «Девочки из нашей группы, – рассказывала она, – сорвали портрет Сталина, который висел в нашей общежитской комнате, и выкололи ему глаза». «Хрущев прав, Сталин – позор страны!» – говорил инженер машиностроительного завода в Ромнах Л.Ю. Бронштейн. Инженер КБ-1 в Москве Э.А. Шкуричев, считавший себя ярким антисталинистом, естественно, посчитал появление доклада Хрущева «крайне своевременным». По его мнению, новый лидер партии и страны «показал, что умеет признавать ошибки». Рано или поздно это все равно сделать было нужно, по мнению учительницы М.Ф. Журавлевой из села Монасеино в Лотошинском районе. И так все ясно было технику трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонову: «Лично мне он Америку не открыл». Зато много вопросов возникло у учительницы из Косино Г.К. Пятикрестовской. Она и до сих пор считает, что «мы знаем не все». «Это был героический подвиг Хрущева!» – считал шофер автобазы Центросоюза Н.В. Рыков{747}. Не удивился студент 2го Московского медицинского института И.К. Никитин: «У нас во дворе на Нагорной улице был безногий инвалид войны Яковлев, окончивший философский факультет МГУ. Так вот он нам про Сталина все рассказал давно»{748}. Студентка географического факультета МГУ Е.А. Мазаева еще до смерти Сталина слышала соответствующие разъяснения от матери, которая говорила, что «вся эта кровавая история выйдет наружу»{749}. Спокойно восприняла содержимое доклада московская десятиклассница С.А. Золотухина, ибо слышала от отца, военного политработника, о репрессиях. А свое имя Сталина сократила на три первых буквы{750}. Поверил и одобрил безусловно фотокорреспондент журнала «Советский Союз» В.А. Руйкович: «Меня это обрадовало. Почувствовал какое-то облегчение оттого, что наконец-то сказали правду»{751}. А.И. Кузовлев, рабочий Бескудниковского комбината строительных материалов, знал о раскулачивании: «Все крестьяне, пострадавшие от него, плохо

к нему относились»{752}. «Все приветствовали с восторгом», по словам зоотехника совхоза «Лермонтовский» в Пензенской области И.А. Емашова{753}.

В числе безоговорочно поверивших и все те, кто слышал текст доклада по зарубежному радио.

Не всему, с определенными оговорками поверили и одобрили 11% опрошенных в 1996, 1997, 1999 гг. и 9% опрошенных в 1998 г.

Слышали и другие, прямо противоположные суждения и поэтому поверили не полностью ленинградская школьница М.Г. Захарьина и житель деревни Красная Поляна в Чаусском районе Могилевской области Н.И. Новиков. Смущали разговоры о том, что «много очень спорно» и нянечку московского детсада № 19 П.И. Оцупок. Соглашалась, что «много достаточно спорных моментов» в докладе повар столичной столовой № 23 Р.И. Капошина{754}. У жены летчика-испытателя М.К. Анохиной появилась гадливость к Сталину: «Как же так? Среди пострадавших было много хорошо знакомых и близких. А оказывается, что виноват он!» Но в то же время ей была противна «болтовня по поводу культа личности»{755}.

Офицер одной из в/ч в ближнем Подмосковье В.Я. Самойлов, несмотря на то, что «офицерский корпус советской армии в подавляющем своем большинстве не одобрял кампании “копания в грязном белье истории”, затеянной Хрущевым», сам все же стал считать, что «“светлое завтра” невозможно построить грязными методами прошлого», и поэтому «развенчание культа вождя (но не личности Сталина) воспринял положительно». Военного связиста Гусева смущало то, что Сталин все же «в войну победил» и при нем был «жесткий порядок». Соглашаясь с тем, что Сталин «войну выиграл на костях», работница ЦАГИ в Жуковском С.И. Аршонкина продолжала верить, что он все же «хотел, чтобы народ лучше жил». Продащицу из Реутова Е.П. Широеву смущало, «почему Хрущев раньше об этом не говорил». Недостаточно объективным посчитал Хрущева офицер-пограничник (Закавказье) Р.С. Макулов: «О своей вине в том, что произошло, особенно в вопросах культа личности, он ничего толком не сказал»{756}. Не поверили и не одобрили доклад 24 из 93 опрошенных в 1996 г., 34 из 100 опрошенных в 1997 г., 34% из 400 опрошенных в 1998 г. и 40% из 400 опрошенных в 1999 г. человек.

В том числе не поверили и не одобрили полностью соответственно 14, 11, почти 11 и 20% опрошенных,

«Это ложь!» – был уверен рабочий одного из номерных столичных заводов С.С. Глазунов. Ложными считали обвинения Е.А. Дубовицкая из смоленской деревни Яненки и бригадир из подмосковной сельхозартели им. Ленина П.И. Ковардюк, бывшая одно время (до 1948 г.) депутатом Верховного Совета СССР. «Это клевета!» – считали фельдшерица и рабочая Реутовской хлопкопрядильной фабрики М.Т. Широкова и Е.Т. Назарова, а также озеленитель на ВСХВ М.П. Кленшова и воспитательница детского сада в Люблино З. И. Андрианова. «Сталин был для нас почти богом, – говорила кладовщик-инструментальщик центральных ремонтных мастерских Управления ИТЛ в Комсомольске-на-Амуре Т.П. Кищенко, – и даже то, что я видела много заключенных, меня ни в чем не убедило тогда». Ее мнение о Сталине изменилось много позже{757}.

Студент Московского института геодезии и картографии А.С. Костки воспринял этот шаг Хрущева как «очернение предшественников, чтобы возвеличить себя». «Не стоило лить грязь на своих», – полагала домохозяйка из подмосковного поселка Звягино А.П. Алабова. «Сталина любили и не верили тому, что говорили о нем плохого», – говорила диспетчер завода № 41 в Москве Е.И. Коклюшкина. «Сталин тогда для нас был все, то был идеал», – объясняла санитарка из Овруча М.Ф. Сидорчук. «Сталин для нас был все!» – подтверждает инженер-строитель из Лыткарина Л.И. Олейник. «В Сталина верил как в бога», – еще длительное время считал московский инженер М.Д. Фридман. «Без Сталина не выиграли бы войны», – была уверена сотрудница НИИ искусственного шелка А.И. Коншина. Что благодаря Сталину выиграли войну, полагала и колхозница А.А. Комарова из деревни Захарово в Малоярославецком районе. «Сталин выиграл войну!» – говорила А.В. Кузнецова из деревни Лютиково в Талдомском районе. «Хрущев врал, – был убежден и ее муж Н.П. Кузнецов, работавший на заводе “Промсвязь” около Талдома. – Сталин привел нас к победе!». Со словами: «За родину, за Сталина!» – ходил в атаку А.П. Краснов.

«Мы при нем жили хорошо и с каждым годом лучше», – утверждала колхозница М.И. Бирюкова из села Перешапово в Можайском районе{758}. На партийном собрании в обществе слепых Краснопресненского района Москвы инвалид войны 1-й группы (воевал в 215-й стрелковой дивизии им. Сталина) А.П. Корнев был среди тех нескольких из 37 присутствовавших, кто голосовал против одобрения решения съезда о культе личности: «Сталин обеспечил нам победу, без него мы бы проиграли»{759}.

«Ни в одной стране руководителей государства не позорят», – возмущалась К.В. Матвеева, заведующая столом личного состава на мебельной фабрике Управления делами Совмина СССР{760}. Хрущев не вызывал ни особого уважения, ни доверия у С.Е. Тишко, инженера Егорьевского текстильного комбината{761}. С отвращением стала относиться к Хрущеву работница столичного ресторана «Сокольники» П.П. Дрендель{762}. Недоверие к Хрущеву после этого стало зарождаться у В.Г. Левиной из военного гарнизона Остафьево в Подмоскowie. Продолжала уважать Сталина, веря, что он делал все во благо народа, и стала недолюбливать Хрущева секретарь-машинистка К.П. Деева из Томска. «Перестал считать Хрущева государственным деятелем великой страны» кадровый военный В.А. Ларьков. Астраханской библиотекарше А.М. Вавиловой было «неприятно, что Хрущев копал в грязи». По ее убеждению, «все были возмущены его поведением, это была его грубейшая ошибка, которая настроила против него народ». Работнице Лыткаринского завода Е.В. Махановой «Хрущев вообще не очень нравился» и тем более «не понравилось то, что он говорил о Сталине»{763}.

Не поверили и не одобрили большей частью соответственно 9,6, 8,5 и 10% опрошенных.

Считала, что «много лгут», жительница Ярославля, член КПСС Л.С. Трофимова. «Была согласна, что Сталин нарушал правила, установленные ЦК, но... (любовь страшное чувство!) считала его в основном не виновным и потому большей частью не одобрила доклад» инженер Северной водонапорной станции К.М. Воложанцева. «Верила Сталину, все годы жила с мыслью о нем, как о боге, и в одночасье мнение о нем изменить не могла» выпускница Коломенского педагогического института Л.А. Дмитрук{764}.

«Не верил, что один человек мог проводить такие репрессии» слесарь завода при ОКБ-2 О.В. Шеффер. К тому же, по его мнению, обнародование такого большого негатива «подорвет веру в партию окончательно». Схожие соображения высказывал главный конструктор одного из московских предприятий В.И. Юрчик: «Винить лишь одного И.В. Сталина было бы ошибочным. В культе личности И.В. Сталина и репрессиях был повинен и сам докладчик. Для народов СССР репрессии не были секретом за семью печатями. Однако народ чтит вождя, под водительством которого была одержана победа в Великой Отечественной войне». Но самое неприемлемое заключалось в «ущербе авторитету СССР и международного коммунистического движения». Не поверил многому слушатель одной из военных академий в Харькове Е.Д. Монюшко, «и особенно потому, что это был доклад не партийного органа, а лично Хрущева, который за полгода до этого говорил на пленуме ЦК (я знакомился со стенограммой): «Мы не позволим пачкать имя Сталина»». Жившая в Красногорске, но работавшая на заводе № 500 в Тушино М.С. Севастьянова свое неверие в большинство обвинений в адрес Сталина объясняла и таким образом: «В народе ходили слухи, будто отец или дед Хрущева был когда-то фабрикантом и пострадал во время Сталина, и вот-де Хрущев теперь мстит разоблачениями за своих родственников»{765}.

Имели двойственное мнение 6,6, 12,5 и 11% опрошенных.

«Обвинениям в адрес Сталина и верили, и не верили, – рассказывала Р.А. Иванченко, контролер на оружейном заводе в Орске. – За налоги ругали, но дисциплину он держал хорошо. А был бы предателем, всю Россию отдал бы немцам в войну»{766}. Был какой-то шок у Н.А. Торгашевой из Рузаевки в Мордовии: «Сталин и вдруг враг! Внутри были сомнения, но какая-то часть поверила»{767}. Как-то не умещалось в голове М.А. Семенова одновременно то, что Сталин был борцом за идеалы социализма и крупным полководцем, и то, что он «в репрессиях перегнул палку»{768}. Трудно было поверить М.М. Крупиной из хутора Евдокиевка в Михайловском районе Воронежской области, поэтому она прислушивалась к старшим, а они говорили: «Но все-таки выдержали такую трудную войну!»{769}.

Обо всем этом и раньше догадывался рабочий трамвайного депо им. Баумана В.А.

Васильев, но Сталин оставался для него и таких как он «большим авторитетом». Не могла не одобрить линию партии на осуждение культа личности, как член этой партии, заведующая железнодорожной столовой в Петрозаводске М.А. Тришина, хотя как-то не вязалось это с тем, что победу в войне она связывала с именем Сталина. Не поверил услышанному на партсобрании докладу ее сосед, летчик С.Е. Барильский, однако, как коммунист, вынужден был, хоть и не полностью, его одобрить {770}.

Поверил обвинениям, но не одобрил предание их огласке студент Московского энергетического института А.В. Митрофанов. У большинства его окружения не появилось неприязни к Сталину: «Мы считали, что время и обстановка сделали эти жертвы неизбежными». Правомерными считала обвинения против Сталина студентка Московского педагогического института им. Крупской Л.В. Кузнецова, но в то же время была против того, чтобы говорить о них всенародно, так как «это не способствует величию и престижу страны и играет на руку врагам» {771}.

«С одной стороны, – говорила рабочая Клинской лыжной фабрики Л.Я. Титова, – понимали, что все говоримое о Сталине правда, с другой – боялись как-то оценивать этот доклад, так как не знали, для чего это все раскрыли перед людьми» {772}.

Двойственное мнение члена КПСС А.В. Девяткиной из Пензенской области («и да и, вроде бы, нет») вполне возможно имело и такое объяснение: «Никто открыто тогда своего мнения не высказывал. Боялись, а если это не так, что тогда будет? Ведь все были запуганы и боялись всего. Одним словом, не знали, что и думать». Нечто подобное вспоминала и ученица торговой школы в Саратове Т.В. Быкова: «Все было окружено какой-то тайной. И верилось и не верилось в это. Было страшно» {773}.

Не имели собственного мнения по 5% опрошенных в каждом году. «Мы были потрясены, не знали, что думать», – вспоминала инженер Мосгорпроекта Л.А. Любешкина. Не знали, что и думать, уборщица Воронежского отделения Гипрокаучука В.А. Комова и ее муж, слесарь ГРЭС И.Н. Комов: «Мы столько лет верили в Сталина!». Не интересовалась в то время политикой жена военнослужащего из Николаева З. К. Умницкая. Не было это интересно мастеру Раменской мануфактуры М.С. Евсееву, и все равно было его жене Т.П. Евсеевой. Было все равно 18-летней А.В. Куклевой из поселка Борисоглебский в Ростовском районе Ярославской области. «Молодой был» шофер Коробовского совхоза в Шатурском районе А.Ф. Кисилев, которому исполнилось уже 24 года. «Было плевать» телефонистке завода № 11 в Краснозаводске М.В. Шлыковой. Не до того было смоленской колхознице Н.Т. Тихоновой, только что родившей девочку {774}.

Ничего не сказали о своем тогдашнем мнении 4, 2,5 и 2% опрошенных. «Молчала, как и все» рабочая СУ-19 Мосстроя А.Т. Булычева. «Все шептались, переговаривались», – свидетельствовала В.А. Василевич, домохозяйка из Калинина. Что же касается ее самой, то она всего-навсего только «удивилась». Своего мнения не выразила ни тогда, ни сейчас учительница А.Ф. Алифанова из Власовской школы в Раменском районе {775}.

Утверждают, что тогда ничего не знали об этом 4, 4,3 и 1,5%. Понятия об этом не имела рабочая станции 207-й километр Северной железной дороги Е.П. Паршина {776}. Только года через два, переехав из Нерчинска в Подмосковье, узнала об этом продавец О.Г. Михайлова {777}.

Не помнят, в чем суть, 1, 13,1 и 1% опрошенных.

Конечно, с точки зрения социологической науки, результаты этих опросов трудно считать по-настоящему репрезентативными. И тем не менее, в порядке первого приближения к истине, на уровне рабочей гипотезы, их можно взять на вооружение и, если не сделать вывод, то хотя бы поставить вопрос: а готово ли было советское общество к десталинизации? Не к отказу от массовых чисток и репрессий, от кровавого террора, а от тоталитарного и имперского мышления, идолом которого стал образ «мудрого отца, учителя и друга», «великого вождя всех времен и народов». Если ответ на этот вопрос – положительный, тогда становится понятнее, почему Хрущев, так много сделавший, чтобы его доклад о культе личности был оглашен на XX съезде КПСС, а затем стал известен всей партии (а это свыше 7 миллионов человек), и комсомолу (т.е. еще не менее 18 миллионов), почему он вдруг остановился и даже стал предпринимать попятные шаги, о которых речь пойдет ниже. Значительную, если не

решающую роль тут сыграли не оппозиция его соратников, мнением которых он чем дальше, тем больше пренебрегал, не советы китайских и итальянских товарищей, а также У. Черчилля<sup>5</sup>, и не опасение даже, как бы события в СССР не стали развиваться по венгерскому образцу, а «сопротивление материала» совсем иного рода.

Общество, во всяком случае довольно значительная его часть, настолько успело одурманиться сильными и регулярными дозами идеологического культового зелья, что отказ от них, а тем более попытка прописать ему противоядие, вызывали своеобразную «ломку». Врачи в таком случае поступают по-разному: либо решительно и бесповоротно продолжают «шоковую терапию», рискуя, что больной сорвется и все может кончиться летальным исходом, либо ограничиваются гомеопатическими дозами лечения, пилюлями и припарками, не имея, однако, никакой гарантии от возможного рецидива застарелого недуга. Хрущев вставал то на один, то на другой путь, но нигде не был достаточно последователен. А в 1964 г. он проиграл не только потому, что заговорщики оказались хитрее и изворотливее, но и по той причине, что «глас народа» оказался не на его стороне. Вынос тела Сталина из Мавзолея не простили ему не только и не столько номенклатурные сталинисты, сколько толпа, которую лишили предмета поклонения.